

Верина У. Ю.

ORCID: 0000-0002-6015-7160

Минск, Беларусь

verina14@rambler.ru

УДК 821.161.1

DOI 10.26170/23067462_2021_03_01

КОНЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА В ТРУДАХ С. И. КОРМИЛОВА

Аннотация. Статья посвящена памяти выдающегося ученого Сергея Ивановича Кормилова (1951–2020). Рассматривается концепция русской литературы XX в., представленная им в статьях и учебных пособиях. С. И. Кормилов разрабатывал теоретическую историю литературы и видел необходимость ее синтеза с теорией стиха и прозы, изучением жанровой динамики, социокультурным и историческим знанием, исследованием различных национальных традиций русскоязычной литературы, изолированными областями литературной критики, детской и массовой литературы. В статье на материале книги «История русской литературы XX в. (20–90-е гг.): основные тенденции» (2020) анализируются векторы, расширяющие видение литературы этого периода.

Ключевые слова: теоретическая история литературы; русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры.

Verina U. Ju.
Minsk, Belarus

THE CONCEPT OF RUSSIAN LITERATURE OF THE XX CENTURY IN THE WORKS OF S. I. KORMILOV

Abstract. The article is dedicated to the memory of the outstanding scientist Sergej Ivanovich Kormilov (1951–2020) and discusses the concept of Russian literature of the XX century, presented by him in articles and textbooks. S. I. Kormilov developed the theoretical history of literature and saw the need for its synthesis with the theory of poetry and prose, the study of genre dynamics, sociocultural and historical knowledge, the study of various national traditions of Russian-language literature, isolated areas of literary criticism, children's and mass literature. The book “History of Russian Literature of the 20th Century (1920s — 1990s): Main Trends” (2020) outlines various vectors that broaden the vision of the literature of this period.

Keywords: theoretical history of literature; Russian literature; Russian writers; literary creativity; literary genres.

В 2020 г. ушел из жизни замечательный филолог, теоретик и историк литературы, доктор филологических наук, профессор МГУ Сергей Иванович Кормилов. Попробуем наметить основные векторы его идей, расширяющих наше представление об истории русской литературы XX в.

В круге интересов Сергея Ивановича Кормилова особая роль принадлежит, во-первых, XIX в., времени Отечественной войны 1812 г., с которой был связан его давний, еще юношеский интерес, нашедший воплощение в кандидатской диссертации об исторической литературе 1860-х гг. [Кормилов 1977]. В работах С. И. Кормилова сложился определенный стиль мышления о литературе в связи с историей, социокультурным контекстом, что нашло воплощение в публикациях и докладах, посвященных Г. Р. Державину, А. Ф. Воейкову, А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову, Ф. И. Тютчеву, Н. В. Гоголю, Л. Н. Толстому, И. А. Гончарову, И. С. Тургеневу, А. Н. Островскому, А. П. Чехову. Хронология этих работ пролегает до 2020 г. — последнего года жизни ученого, десятилетиями совершенствовавшего свое знание истории.

Второй интерес С. И. Кормилова можно назвать чисто теоретическим: это исследования монотиха, других лапидарных форм, метризованной прозы, свободного стиха, ставшие основой докторской работы «Маргинальные системы русского стихосложения» [Кормилов 1991]. Однако эта работа имеет многочисленные выходы в соседние области — историю литературы и культуры, и сам автор подчеркивал, что главной своей целью видел не только стиховедческое исследование, но путь к «современной синтетической теории литературы» [Кормилов 1995: 141].

В исследовании генезиса различных литературных явлений С. И. Кормилов обращался к европейским и восточным прецедентам, стремясь преодолеть замкнутость национально и дисциплинарно «чистых» истории и теории, в одном ряду с оригинальными рассматривал и переводные тексты. Это третье направление научной мысли ученого нашло продолжение и развитие в работах о восточной, китайской и корейской, поэзии, ее формах, переводах, исследовании и рецепции: доклады и статьи о версификационных особенностях переводов А. Ахматовой, китайских и корейских твердых строфических форм в русских переводах, об антологии корейской поэзии VIII–XIX столетий, серия статей в соавторстве с Г. А. Амановой, в частности, о соотношении восточной и русской литературоведческой терминологии.

Взаимодополнение истории и литературы рождает новое видение литературной критики, а социокультурное преломление такого синтеза дает материал, значительно обогащающий и историю, и теорию литературы. С. И. Кормилов много лет читал курс истории русской критики на филологическом факультете МГУ, в 1996 г. в соавторстве с Е. Б. Скороспеловой составил и опубликовал программу курса¹, в последние годы — ряд статей, которые отчетливо указали еще один (четвертый) вектор на пути к формированию синтетической дисциплины — теоретической истории русской литературы XX в.

---

¹ Материалы к курсу русской критики XX в. С. И. Кормилова и Е. Б. Скороспеловой названы среди немногочисленных предшественников пособия М. М. Голубкова «История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы)» (М.: Academia, 2008) в рецензии Л. Оборина («Знамя». 2009. №5). Программа, к сожалению, не стала отдельным пособием, однако студенты опубликовали конспект лекций С. И. Кормилова, прочитанных им в МГУ в 2004 г. (URL: <http://msu-philologist.narod.ru/literature/critique/list.html>).

Интерес к XX в. в нашем перечне сфер внимания ученого пятый по счету, но создание авторской теоретической истории было подготовлено участием в коллективных учебных пособиях, выходящих с 1998 г. [История русской литературы 1998]. Пособие «История русской литературы XX в. (20–90-е годы)» с подзаголовком «Основные имена» переиздавалось в 2008 г., в 2017 г. было переведено на китайский язык. В книге 19 имен, она начинается А. А. Блоком и заканчивается И. А. Бродским. Среди этих имен те, о ком С. И. Кормилов, ответственный редактор коллективного издания, писал отдельные работы — пособия и/или статьи: А. А. Ахматова, В. В. Маяковский, О. Э. Мандельштам, М. И. Цветаева, А. Н. Толстой, М. Горький, М. А. Шолохов, А. Т. Твардовский, И. С. Шмелев, В. С. Высоцкий. Уже в этом пособии С. И. Кормилов во вступительной статье обосновал хронологию литературного XX века, нижней границей которого предложил считать 1920-е гг., а не 1917-й, рубежный в советском литературоведении, поскольку в первые послереволюционные годы важнейшим было творчество поэтов Серебряного века, а не пролетарская литература. А. А. Блок, В. В. Маяковский и С. А. Есенин — три поэта, которых «дала России революционная Октябрьская эпоха» [Петросян 1980: 4], и совершенно очевидно, что их считали основателями советской литературы, поскольку это было идеологически необходимо. Миф о «советских» поэтах А. А. Блоке, В. В. Маяковском и С. А. Есенине был долговременным², но сама их участь (ранняя смерть А. А. Блока, гибель С. А. Есенина, а затем и В. В. Маяковского), а также судьба их посмертного наследия, с которым советское литературоведение поступало так, как было необходимо в каждый конкретный период, свидетельствует о весьма относительной «советскости» этих поэтов.

Действительным рубежом, отметившим начало нового периода, С. И. Кормилов считает 1920–1922 гг., когда одно за другим происходили события, не менее, а может быть, и более важные для истории русской литературы, чем революционный переворот. В 1920 г. написан один из первых романов, в котором была осмыслена новая реальность и первый в ряду целой ветви «задержанной» литературы — «Мы» Е. И. Замятина. Следующий 1921 г. — год осно-

---

² Миф о «советском» А. А. Блоке и его метаморфозы, произошедшие в 1980 г., рассмотрены в статье: Верина У. Ю. Столетие Александра Блока: общие места и новые мифы // Уральский филол. вестник. Сер.: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2019. № 3. С. 20–31.

вания первых советских «толстых» журналов, смерти А. А. Блока и Н. С. Гумилева. 1922–1923-й гг. С. И. Кормилов характеризует как время формирования эмигрантской литературы. В 1922 г. провозглашен СССР и вышла пятая и последняя книга А. А. Ахматовой (последняя, потому что, как отметил С. И. Кормилов, следующие входили в состав избранного и не публиковались целиком). В те же годы Россию покидает цвет интеллигенции и начинается «культурное самообеднение страны». Проблеме периодизации XX в. посвящен особый раздел в последнем изданном автором учебном пособии [Кормилов 2020: 92–106].

С. И. Кормилов рассматривает историю русской литературы XX в. в единстве ее российской и эмигрантской ветвей. В пособии, посвященном персоналиям [История русской литературы 1998], этот подход был теоретически обоснован, и в числе основных имен присутствуют И. А. Бунин, И. С. Шмелев, В. В. Набоков, А. И. Солженицын, И. А. Бродский. В позднейшем авторском труде, где монографических разделов по авторам нет, тенденции XX в. прослеживаются в сопоставлении метрополии и зарубежья. Несмотря на идеологическое противостояние и противоположное отношение к новой действительности («Советские писатели мечтали переделать весь мир, изгнанники — сохранить и восстановить былые культурные ценности» [Кормилов 2020: 17]), общим было развитие от 1920-х к 1950-м гг. «по нисходящей» и начавшийся со второй половины века подъем.

Прослеживая эстетические, жанровые, изобразительные тенденции XX в., С. И. Кормилов охватывает обе ветви, и такое сопоставление выявляет не видимые при изолированном рассмотрении грани. Собственно, метафора граней некоего объемного объекта наиболее точно иллюстрирует такой синтетический подход: их соотношение, взаиморасположение и формирует представление о том, какую именно фигуру составляют грани и плоскости. Так, черты нормативного, идеологизированного реализма можно обнаружить не только у авторов советской литературы, но и у А. И. Солженицына, тогда как поэмы В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!», по мнению ученого, не относятся ни к соцреализму, ни к реализму вообще. Или известное требование эпопеи, которое традиционно связывалось с идеологическим предписанием отображения масштабных процессов социалистического строительства (А. В. Луначарский: «Наше время требует эпоса»), в сопоставлении с анало-

гичными процессами зарубежья выглядит уже не столь безусловным. В единстве прослежены и другие линии: исторический роман, драма, лирическая поэма и политическая поэзия, роль сюжета и изобразительности. Широкая тематическая характеристика двух ветвей русской литературы показывает их различие. И конец периода — 1990-е гг. — С. И. Кормилов отмечает как воссоединение ветвей.

Синтетический, целостный подход включает те области, которые до сих пор остаются на периферии истории русской литературы как филологической учебной дисциплины, — это детская, фантастическая и детективная литература. Они входят в курсы педагогического образования или социологии литературы, а филологам подаются в виде отдельных фракций — как спецкурсы, семинары или факультативы, тогда как в литературном процессе эти области вовсе не изолированы. Творчество многих авторов XX в. для детей, равно как и их переводческая деятельность, часто были способом ухода из «большой» литературы или средством заработка, когда их оригинальное творчество было неподцензурным и не могло быть издано. Особый феномен представляет собой детская литература Серебряного века, при этом даже в творчестве А. Блока, оставившего оригинальные, не отвечающие современным ему тенденциям детские стихи и книги, детская тема преимущественно игнорируется (см. [Жибуль 2016: 57]). Пособие С. И. Кормилова, разумеется, не заполняет все эти лакуны в полном объеме, но сам подход (в соответствии с подзаголовком — основные тенденции) указывает на то, что структура курса истории литературы XX в. может и должна быть другой.

Таких перспективных направлений в концепции ученого множество. Для переосмысления представлены сведения о формировании советской многонациональной литературы, что, конечно, в связи с идеей Интернационала и формированием новой империи было лишь декларацией и часто фикцией. По сути, многонациональность сводилась к обязательной программе: в каждой национальной литературе должны были быть свои классики, сопоставимые с М. Горьким, В. В. Маяковским, М. А. Шолоховым (в восточных литературах, по остроумному замечанию С. И. Кормилова, свой «местный дед Шукарь в тибетейке» [Кормилов 2020: 54]). Однако сам С. И. Кормилов как автор концепции развития многонациональной литературы не останавливается только лишь на идеологическом аспекте, подчеркивая, что с 1960-х гг., с приходом в советскую

литературу Ч. Айтматова, В. Быкова, Н. Думбадзе, Ф. Искандера, М. и Р. Ибрагимбековых, А. Кима, Ю. Рытхэу и др., многонациональность действительно формируется. Феномен русскоязычной инациональной литературы, исследование которой не на уровне тематики и проблематики, а в связи с проблемой языка (второго, выученного или родного, но со своей региональной спецификой) началось сравнительно недавно. Все больше внимание исследователей привлекает литературный билингвизм, факты перехода писателя на другой язык, поскольку сама современная культурная ситуация вызывает к осмыслению и поиску каких-либо теоретических основ: «В настоящее время мы наблюдаем взлет межязыкового взаимодействия в поэзии разных стран...», — отметила Н. М. Азарова в статье 2016 г., начиная ее с констатации отсутствия теории поэтического билингвизма и «исторических обзоров, по которым можно было бы проследить основные тенденции в развитии билингвизма в поэзии» [Азарова 2016: 257, 255].

Краткая характеристика, данная С. И. Кормиловым русскоязычной литературе, создававшейся в инациональной среде, предлагает диалектически взглянуть на проблему: «Эти национальные русскоязычные писатели неотделимы от собственно русской литературы, хотя и не принадлежат целиком ей» [Кормилов 2020: 54]. Этот смысловой зазор лег в основу проблемы, возникшей с распадом СССР и не решенной до сих пор: писатели, оказавшиеся в зарубежье и продолжающие писать на русском языке, приобрели промежуточный, неясный статус, не будучи частью литературы своей метрополии и не участвующие в литературном процессе России.

В теоретической истории С. И. Кормилова осталась неохваченной третья ветвь, которую сам теоретик называет «задержанной» литературой, а в настоящее время большее распространение получили ее определения как неподцензурной или неофициальной литературы. С. И. Кормилов осознает ее присутствие в общей истории, поскольку говорит об итоговом слиянии трех, а не двух потоков, но аналогичной картины, как в отношении советской и эмигрантской литературам, не дает. (В разделе, посвященном проблеме периодизации литературы XX в., со ссылкой на работу Б. Менцель сказано о формировании неофициальной литературы в конце 1960-х гг.) Однако и здесь само коренное требование объединения и сравнительного описания открывает перспективу для продолжения и дальнейшей разработки, что, надеемся, будет предпринято,

потому что проблема единого изучения разрешенного и запрещенного, оригинального и переводного творчества возвращенных писателей сейчас уже осознана исследователями.

Вторая глава «Соотношение стиха и прозы и жанрово-родовых тяготений в русской литературе XX века» начинается с тезиса, который еще недостаточно осмыслен литературоведами, в то время как эта ясная мысль помогла бы избежать многих недоразумений. Она состоит в том, что в XX в. деление литературы по направлениям стало нерелевантным. С. И. Кормилов формулирует свой тезис шире: «“Лицо” всякой литературы определяют прежде всего не творческие методы и направления, как считалось в советском литературоведении, а соотношение стиха и прозы, эпоса, драмы и лирики» [Кормилов 2020: 58]. Советского литературоведения уже нет, однако инерция рассматривать литературу, выделяя признаки неких «-измов», часто весьма умозрительных, оказалась очень устойчивой. Так, печальная слава русского литературного постмодернизма была связана, по нашему мнению, в основном с тем, что под знамя этого направления, по существу, не являющимся ни литературным направлением, ни отдельным творческим методом, а общекультурной ситуацией, помещались произведения, вовсе не постмодернистского толка, а часто лишь наиболее низкого художественного качества или эпатажно оппозиционные русской литературной традиции — «хулиганские». А в начале XXI в., когда постмодернизм как ситуация и стиль закончился и стало очевидно, что создается совершенно другая литература, литературоведение не смогло предложить никакого другого основания взамен. И не потому только, что в начале XXI в. литература распалась на индивидуальные практики, а потому, что без манифестов и философских программ, в которых прописаны эстетические установки, всякое объединение бесконечно многообразных литературных произведений будет схематичным, да и с ясными декларациями, даже привычными и потому вроде бы бесспорными, не все благополучно. Символизм, футуризм, акмеизм — традиционная и прочно укоренившаяся во всех учебниках триада литературных направлений Серебряного века, — по сути своей, ничего не дает для понимания творчества крупнейших поэтов XX в.: А. А. Блока, В. В. Маяковского, А. А. Ахматовой. Модернистские тенденции были данью времени, молодости, увлечения, лабораторией новых художественных средств, которые принимались или отвергались, и при этом не обязательно целиком и полностью.

Намечая в первой главе векторы эстетических направлений XX в., рассуждая о судьбе реализма, С. И. Кормилов подчеркивал синтетизм, диффузность явлений, происходящих на всех уровнях, сочетание разных творческих принципов, не определяемых «одним словом» [Кормилов 2020: 27]. И совершенно закономерно, что далее акцентируется влияние поэзии на прозу, прозы на поэзию и к концу века — распространение экспериментальных форм. «Так что, — делает вывод С. И. Кормилов, — стих и проза в XX — начале XXI вв. в чем-то противостоят, а в чем-то достигли сближения и взаимодействия, невозможного во времена Пушкина и Фета. Прежде всего, они *диффузны*, как, собственно, и остальные элементы поэтики литературы XX в.» [Кормилов 2020: 73].

В аналитическом обзоре взаимоотношений поэзии и прозы, который требует, казалось бы, чистой теории, ученый сопоставляет мнения критиков, когда речь идет об идеологической подоплеке эпизации лирики и критики индивидуализма, а также соотносит факты спада поэзии в 1930-е гг., исчезновения метризованной прозы с усилением репрессий и остановкой развития стиховедческой науки. Включение истории литературной критики в курс истории литературы — также одна из составляющих концепции С. И. Кормилова, в отдельной главе он рассматривает «основные этапы эволюции критики между двумя революциями — коммунистической 1917 г. и антикоммунистической 1991 г.» [Кормилов 2020: 105].

Анализируя соотношения стиха и прозы, автор синтетической концепции останавливается не только на творчестве поэтов и прозаиков, но также и драматургов, отмечая уход из литературы XX в. драматических произведений в стихах и констатируя: «Шекспиров больше нет» [Кормилов 2020: 73]. Разумеется, С. И. Кормилов не имел в виду, что драматургия Шекспира сплошь стихотворная («Из шекспировских драм лишь три написаны только стихами...; в остальных пьесах, как трагедиях, так и комедиях, стих и проза чередуются самым причудливым, далеко не всегда поддающимся логическому объяснению образом» [Орлицкий 2002: 442]) или что пьесы в стихах полностью отсутствовали в литературе XX в. (в стихах писали пьесы М. И. Цветаева, В. В. Маяковский, В. В. Хлебников). Но таким образом обозначена и подчеркнута тенденция, которая также представляет собой интересную и открытую проблему. Даже в фундаментальных трудах Ю. Б. Орлицкого, посвященных соотно-

шению стиха и прозы³, драматургии не уделяется отдельное внимание, и прозиметрия «Бориса Годунова» — единственное специальное исследование по этой проблеме.

В стихах и прозе, родах и жанрах отмечается подвижность, прихотливое взаимодействие противоположностей, и в синтезе возникает «не однородное единство, а единство подвижное, в конечном счете принципиально адогматичное — единство не единообразия, но динамического многообразия» [Кормилов 2020: 87]. Придя к этой мысли, С. И. Кормилов еще раз, уже с позиции выявленного разнообразия, объясняет сложность *систематического* изучения литературы XX в. И подчеркивает, что для такого феноменального разнообразия необходима теоретическая история XX в.: «...Не история писателей в отдельных главах, не история направлений и групп, а целостная история от сферы идей до строения прозы и стиха» [Кормилов 2020: 87].

Проблематичность построения истории литературы по персоналиям подтверждается материалом, который убедительно демонстрирует всю сложность формирования представления о писателе как классике, само понятие «классик» показано как эволюционирующее, т. е. подвижное, неустойчивое.

В заключительном разделе С. И. Кормилов суммирует сказанное о необходимости теоретической истории: «История литературы должна создаваться на специфическом языке литературоведения, т. е. на базе теоретико-литературной терминологии. Это должна быть история не только творческого пути некоторых, представляющихся наиболее значительными, писателей и литературных направлений, но и тематики, проблематики, типов персонажей и их характерологии, родов и жанров, сюжетов, форм повествования, художественной речи с прямыми и переносными значениями слов, с ритмической организацией прозы и стиха, причем по возможности различные параметры литературы нужно показывать в их взаимосвязи и взаимодействии» [Кормилов 2020: 147]. И вновь подчеркивает недостаток терминологии «для определения типа творчества наиболее крупных писателей XX в.» [Кормилов 2020: 150]: реализм во всех его разновидностях, «социалистический классицизм», «деревенская

---

³ Кроме процитированной выше книги 2002 г., эту проблему на широком материале рассматривают монографии Ю. Б. Орлицкого «Динамика стиха и прозы в русской словесности», М., 2008, 845 с.; «Стих и проза в культуре Серебряного века», М., 2018, 904 с.

проза» и «пасторальный романтизм», «военная проза» и др. — все это не может быть терминологически точным обозначением многообразных явлений, и эта нехватка обнаруживается на различных уровнях, вплоть до отсутствия именованных отдельных стилистических приемов.

Сергей Иванович Кормилов создал проект новой истории литературы XX в., разработав ее большую часть и оставив много открытых перспектив. В его суждениях есть подходы к тому, чтобы привлечь внимание на те области, включение которых в курсы истории литературы способны обогатить наше представление о ней. Кроме отмеченных периферийных детской и фантастической литературы, изолированных литературной критики и теории стиха и прозы, русскоязычного инационального творчества и судеб национальных литератур в составе советской, отметим присутствие следующих обозначенных автором концепции областей: женской литературы, советской литературы и проблемы «советскости» вообще, массовой литературы и детектива, натурализма и телесности в советской литературе, филологической поэзии.

Концепция С. И. Кормилова чрезвычайно плодотворна для изучения становящейся все более сложной литературы XXI в. К современной русской поэзии понятие постмодернизма вообще не приложимо, понятия направлений и течений исчерпали себя к 2000-м гг., поколенческая стратификация также не может быть вполне убедительной, и построение истории современной литературы по прежним основаниям, к сожалению, демонстрирует лишь произвольный набор имен или продолжение тенденции отождествлять все многообразие художественных практик с постмодернизмом⁴. Революционизировать вузовские учебные курсы, перестроив сам тип мышления об истории литературы, конечно, невозможно, но сделанное С. И. Кормиловым убедительно показывает необходимость шагов в указанном нам направлении.

---

⁴ История русской литературы XX–XXI веков: учебник и практикум для академического бакалавриата/под общ. ред. В. А. Мескина. М., 2016. 411 с.; История русской литературы XX — начала XXI века: учебник для вузов. Часть III: 1991–2010-е годы/сост. и науч. ред. проф. В. И. Коровин. М., 2014. 288 с.

ЛИТЕРАТУРА

Азарова Н. М. Поэтический билингвизм как средство межкультурного трансфера // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография. М.: Культурная революция, 2016. С. 255–307.

Жибуль В. В. Мотивно-образная структура книги А. А. Блока «Сказки. Стихи для детей» // Книга стихов как феномен культуры России и Беларуси/Н. В. Барковская, У. Ю. Верина, Л. Д. Гутрина, В. Ю. Жибуль. М.; Екб.: Каб. ученый, 2016. С. 57–72.

История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена: учеб. пособие для филол. факультетов ун-тов/отв. ред. С. И. Кормилов. М., 1998. 480 с.

Кормилов С. И. История русской литературы XX века (20–90-е годы): основные тенденции: учебное пособие для вузов. Москва: Изд. Юрайт, 2020. 190 с. (Высшее образование).

Кормилов С. И. Маргинальные системы русского стихосложения: дисс. ... доктора филол. наук: 10.01.08. Москва, 1991. 565 с.

Кормилов С. И. Маргинальные системы русского стихосложения. М.: МГУ, 1995. 160 с.

Кормилов С. И. Принцип художественного историзма и русская художественно-историческая литература 1860-х годов: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.08. Москва, 1977. 234 с.

Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе. М.: РГГУ, 2002. 685 с.

Петросян Г. Интервью с Александром Блоком // Знамя коммунизма. 1980. №230 (28 ноября). С. 4.

REFERENCES

Azarova N. M. Poeticheskij bilingvizm kak sredstvo mezhkul'turnogo transfera // Lingvistika i semiotika kul'turnyh transferov: metody, principy, tekhnologii: kollektivnaya monografiya. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2016. S. 255–307.

Zhibul' V. V. Motivno-obraznaya struktura knigi A. A. Bloka "Skazki. Stihy dlya detej" // Kniga stihov kak fenomen kul'tury Rossii i Belarusi/N. V. Barkovskaya, U. Yu. Verina, L. D. Gutrina, V. Yu. Zhibul'. M.; Ekb.: Kab. uchenyj, 2016. S. 57–72.

Istoriya russkoj literatury XX veka (20–90-e gody): Osnovnye imena: ucheb. posobie dlya filol. fakul'tetov un-tov/otv. red. S. I. Kormilov. M., 1998. 480 s.

Kormilov S. I. Istoriya russkoj literatury XX veka (20–90-e gody): osnovnye tendencii: uchebnoe posobie dlya vuzov. Moskva: Izd. Yurajt, 2020. 190 s. (Vysshee obrazovanie).

Kormilov S. I. Marginal'nye sistemy russkogo stihoslozheniya: diss. ... doktora filol. nauk: 10.01.08. Moskva, 1991. 565 s.

Kormilov S. I. Marginal'nye sistemy russkogo stihoslozheniya. M.: MGU, 1995. 160 s.

Kormilov S. I. Princip hudozhestvennogo istorizma i russkaya hudozhestvenno-istoricheskaya literatura 1860-h godov: diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.08. Moskva, 1977. 234 s.

Orlickij Yu. B. Stih i proza v russkoj literature. M.: RGGU, 2002. 685 s.

Petrosyan G. Interv'yu s Aleksandrom Blokom // Znamya kommunizma. 1980. №230 (28 noyabrya). S. 4.

Данные об авторе

Верина Ульяна Юрьевна — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры истории белорусской литературы, Белорусский государственный университет (Минск).

Адрес: 220030, Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4.

E-mail: verina14@rambler.ru

Author's information

Verina Ulyana Jur'evna — Doctor of Science in Philology, Associate Professor in the Department of History of Belarusian Literature, Belarusian State University (Minsk).